

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 38 (2353). Суббота, 13 сентября 1947 г. Цена 50 коп.

22 сентября советский народ отмечает 800-летие со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви.

Великий поэт азербайджанского народа

22 сентября советский народ будет праздновать 800-летие со дня рождения великого поэта и мыслителя, одного из крупнейших азербайджанской литературы — Низами Гянджеви.

Глубина и размах творческой мысли, неутомимая жажда правды и справедливости, искреннее желание облегчить жизнь трудящегося человека, гуманизм и стремление к прогрессу — таковы мотивы, характеризующие поэтическое творчество Низами.

Низами известен в литературе своей эпической («Хамса»), куда входят пять его романтических поэм, снижающих поэту неуязвимую славу.

В первой из этих поэм, «Сокровищница тайн», даны как бы скатки тезисы огромного литературного наследия Низами. Все двадцать глав ее насыщены пренебрежением и ненавистью к «справителю и сильному мира сего», граблящим народ, присваивающим плоды честного труда крестьян, попирающим законы справедливости.

Большую галерею людей из народа воссоздает в своих произведениях Низами. Их житейскую мудрость, готовность к борьбе за благо отечества, высокие душевные качества он противопоставляет коварству себялюбивых царей и вельмож — носителей зла и несправедливости.

Переход старым и малым, не зная стыда, Ты гонимый деревни, сохоть города. А тот, кто пороки твои почитал...

С такими словами в одном из рассказов «Сокровищница тайн» обращается старик из народа к правителю-деспоту, приговаривая его к смертной казни.

Обличительным паросом полон рассказ о последнем султানে Санджаре и старухе, обиженой вонючим правителем. Старуха бросает в лицо султаны гневные слова:

Правдолюбива была — я не вижу в тебе, Угнетенью конца — я не вижу в тебе, Парь дождю народ подержкою стать...

Мотивы, обличающие звериную сущность правителя, силы и в других творениях Низами. О безжалостном, кровавом шахе Мирзе рассказывается в поэме «Лейли и Меджнун».

Низами Гянджеви — поэт-гуманист, поэт-мыслитель, поэт-патриот. Он жил в эпоху, когда творчество и передавались из уст в уста.

Великий поэт был одним из образованных людей своего времени. Он глубоко и всесторонне изучил греческую, арабскую, иранскую литературу, хорошо знал и любил родную азербайджанскую фольклор.

Низами не только знал философию Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля и других представителей греческой философии, но и высказал оригинальные суждения по различным вопросам философии.

Универсальность и широта кругозора сказались на всем творчестве Низами. Его поэма об Александре Македонском «Искендер-Нам» — прекрасное тому доказательство.

В образе Искендера Низами рисует идеального героя и правителя. Это человек сильной воли, умный и образованный, подымавший меч во имя правды и свободы.

Мирза ИБРАГИМОВ, председатель Юбилейного комитета Низами.

Е. БЕРТЕЛЬС ГУМАНИСТ-НОВАТОР

Творчество великого азербайджанского поэта Низами на долгие века определило дальнейшее развитие поэзии Ближнего и Среднего Востока. Его поэмы были восприняты, как новое, свежее слово, и в течение многих веков поэты не выходили из намеченного им круга тем.

Из поэм, предшествующих творчеству Низами, сохранилось весьма мало. Но и то, что сохранилось, вполне достаточно, чтобы убедиться в характерной направленности всей этой поэзии. Это — типичное творчество феодальной замка, где герои — «благородные» витязи; народных масс эта поэзия почти не замечает.

Переход власти из рук потомков старой иранской аристократии к торговцам сельджукам в XI веке повлек за собой крупные изменения. Начинается заметный рост городов, пробуждается самосознание горожан.

Низами высоко ценил свободный труд и незапятнанное человеческое достоинство, выступал против пороков, унижающих человека, — обмана, лицемерия, коварства, низкопоклонства.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

НИЗАМИ Ахмедович Гянджеви, народный художник Азербайджанской ССР К. ХАЛДЫГОВА.

герои его — «благородные» цари и царевны. Но Низами боролся за эту поэму не ради живописания их страстей и не ради их возмечтаний. Характерны его слова:

Коль правду возлюбит в поэме моею, Зачем же лопь преподобность пустую!

Поэту нужна не пустая фантазия, не забава для праздного читателя. Низами хочет реальности а той мере, в какой это было возможно в конце XII века.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

В. ЗАХИДОВ Вечный друг

Между азербайджанским и узбекским народами издавна существовала тесная культурная связь.

Узбекские писатели и ученые Аль-Фараби, Аль-Бируни, Алишер Навои внесли немалый вклад в развитие культуры азербайджанского народа.

В свою очередь, азербайджанский народ оказывал большое влияние на развитие узбекской культуры.

Среди них почетное место принадлежит великому Низами Гянджеви. Сан узбекского народа, поэт и мыслитель Хосров Дехлеви (XIII—XIV вв.) первый воздвиг памятник Низами своим произведениями.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Сабит МУКАНОВ Наш Низами

Зимой 1916 года я учительствовал в Жуан-гадше, бедном ауле, где было всего семь дворов. Здесь жил лекарь Сансызбай, по прозвищу «букар-молда» — горбатый мулла.

Большую часть тесной землянки лекаря занимал шкаф, наполненный рукописными и литографированными книгами, среди них были и лекарские книги.

На доске «горбатый мулла» переводил содержание книг, читая нарсева. В литературе, как он объяснял, заключена «вся земная жизнь».

Читая поэмы Низами, Сансызбай иногда прерывал напевное чтение и спрашивал нас: — Похоже это на язык наших «кисс»?

Ему хором отвечали: — Нет! Наши «киссы» лишены такой красоты слова.

Часто я уходил к лекарем в соседний аул, где страстно изучал импровизатор по своему рассказывал поэмы Низами, слышанные от других акынов.

Давно был известен казахскому народу неназванный Низами, но только одиночки знали его по-настоящему. Первое одиночкой было Абай ховативший свое творчество, написанное в 13 лет от роду.

Только теперь, в советское время, казахские поэты по-настоящему познакомились с произведениями Низами; образцов переводов на казахский язык поэма «Лейли и Меджнун» выдержала несколько изданий.

Переводы поэмы и газелей Низами заняты на выходящих поэты — Гали Орманов, Касым Аманжолов, Жакап Сыдыков, Тайр Жарокв, Халижан Бекхожин.

Только теперь, в советское время, казахские поэты по-настоящему познакомились с произведениями Низами; образцов переводов на казахский язык поэма «Лейли и Меджнун» выдержала несколько изданий.

Только теперь, в советское время, казахские поэты по-настоящему познакомились с произведениями Низами; образцов переводов на казахский язык поэма «Лейли и Меджнун» выдержала несколько изданий.

НИЗАМИ ХОСРОВ и ШИРИН

Из главы «Тогрул-шах требует к себе ученого Низами»

И вот услышал я завистника с глазами Столь вороватыми и с низкими речами.

С тобой Носифа им порадовал волк. Как в снедь вложит стекло, — он в этом ведал толк.

Он молвил: «Низами не оценен вселенной: Что за награда, друг, за труд его нетленный!»

С луною сколько звезд в стихах твоих дано! Поместье получил — да скучное оно!

Поместье жалкую являет на картину, Едва займет оно фарсана половину.

Земля бесприбыльна: уже ведь с давних дней Абхазцы исполу работают на ней.

И так я отвечал завистнику: «Не думай, Что дара не ценю, что злой жид, ужимай.»

Скажу тебе, злодей, тебе ведь нужды нет В развалины мои вползай, как лунный свет.

Ты слышал мне хвалы? Они звучат фонтаном, Они ценней, поверь, чем сто «Хамдуниянов».

Там — видишь лишь посев. Приди ж ко мне, собирай Посевы слов моих, ведь в каждом слове — рай!

В колосьях зерна там, а здесь — не на авось я Жемчугосные заплетл свои колосья!

И если там — дождь все погрузит в Евфрат, — Здесь — ключ Живой Воды рождать в стихах я рад.

И если там — леса, то слушай, сердце злое, Здесь — роши создаю из ценного алоэ.

И благодаря я за то, что люди чтут. Что здесь, что сделал я, — великий, честный труд!

Перевел Конст. ЛИНСКЕРОВ. «Хамдуния» — название поместья, полученного Низами в подарок.

Л. ПАВЛОВ В НАРОДАХ И ВЕКАХ

Если бы восьмисотлетний юбилей Низами Гянджеви праздновали всего лишь тридцать лет назад, даже среди народов тюркоязычных он занял бы умы и сердца одиночек.

Низами. В дальнейшем вся направленность его мысли с неумолимой последовательностью привела поэта к такому заключению.

Это и есть то новое слово, которое принес с собой Низами. Понятно, что все его преемники должны были прежде всего реагировать именно на эту сторону его творчества.

Низами, многие стремились прежде всего «обезвредить» опасного поэта, высветить его поэмы предвзвешенными, еще более осуждениями, но не порицаниями, существующего порядка.

Из слов-высказаний этой поэмы, вышедших из уст поэта, Пришедшим вослед стал он головы свеч.

Из всех его преемников спасались от неминуемой гибели только те, кто желал не обезвредить его, а идти дальше по нему.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Низами начал ряд своих бессмертных поэм «Сокровищница тайн», поэмой, приближающейся по характеру к суфийским дидактическим поэмам Сенана.

Поэму Низами «Лейли и Меджнун» выпускает издательство «Молодая Гвардия». На снимке: обложка книги работы худ. Д. Митрохина.

Литературно-эстетическим взглядом... Литературно-эстетическим взглядом...

Книга Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы»...

Как известно, современные зарубежные реакционеры...

исследователь Б. Мейлахом, имеет боевое политическое значение.

Заключительный раздел книги, озаглавленный «Статьи Ленина о Льве Толстом»...

К сожалению, автор напрасно отступил от избранного им метода последовательно-исторического изложения материала...

Нельзя согласиться с определением Б. Мейлаха социалистического реализма, как метода, синтезирующего «лучшие традиции художественного наследия прошлого»...

В целом, несмотря на некоторые допущенные автором ошибки и неточности, книга Б. Мейлаха — ценный вклад в советское литературоведение.

Д. БЛАГОЙ

Грибоедов и декабристы

Изучение декабристского движения принято, исходя из признания самих декабристов...

Изучение связей Грибоедова с будущими декабристами исследователи, не в пример прежним биографам, начинают уже со студенческих годов писателя.

авет, что в это время он вращался «в том же кругу, в той атмосфере, в которой вырвался сначала самый замысел организации тайного общества»...

Один из интереснейших и особенно удавшихся автору разделов книги посвящен анализу «Горя от ума».

Нужно отметить, что, стремясь доказать связь Грибоедова с декабристами, М. Неchkина впадает подчас и в некоторые превращения.

М. Неchkина столь же пристально исследует первый петербургский период жизни Грибоедова (1814—1818 годы) и устанавливает...

Стихи Федора Белкина

Стихотворения поэта Федора Белкина, помещенные в сегодняшнем номере «Литературной газеты»...

Его наиболее удачные вещи — это небольшие жанровые картины, которые мы так любим в живописи.

КОЛХОЗНЫЕ АМБАРЫ

Они стоят на площади села, Окутаны дубками молодыми...

ТРАКТОРИСТУ

Здесь все твоё, и солнце и трава, Тепло земли и голубые дали.

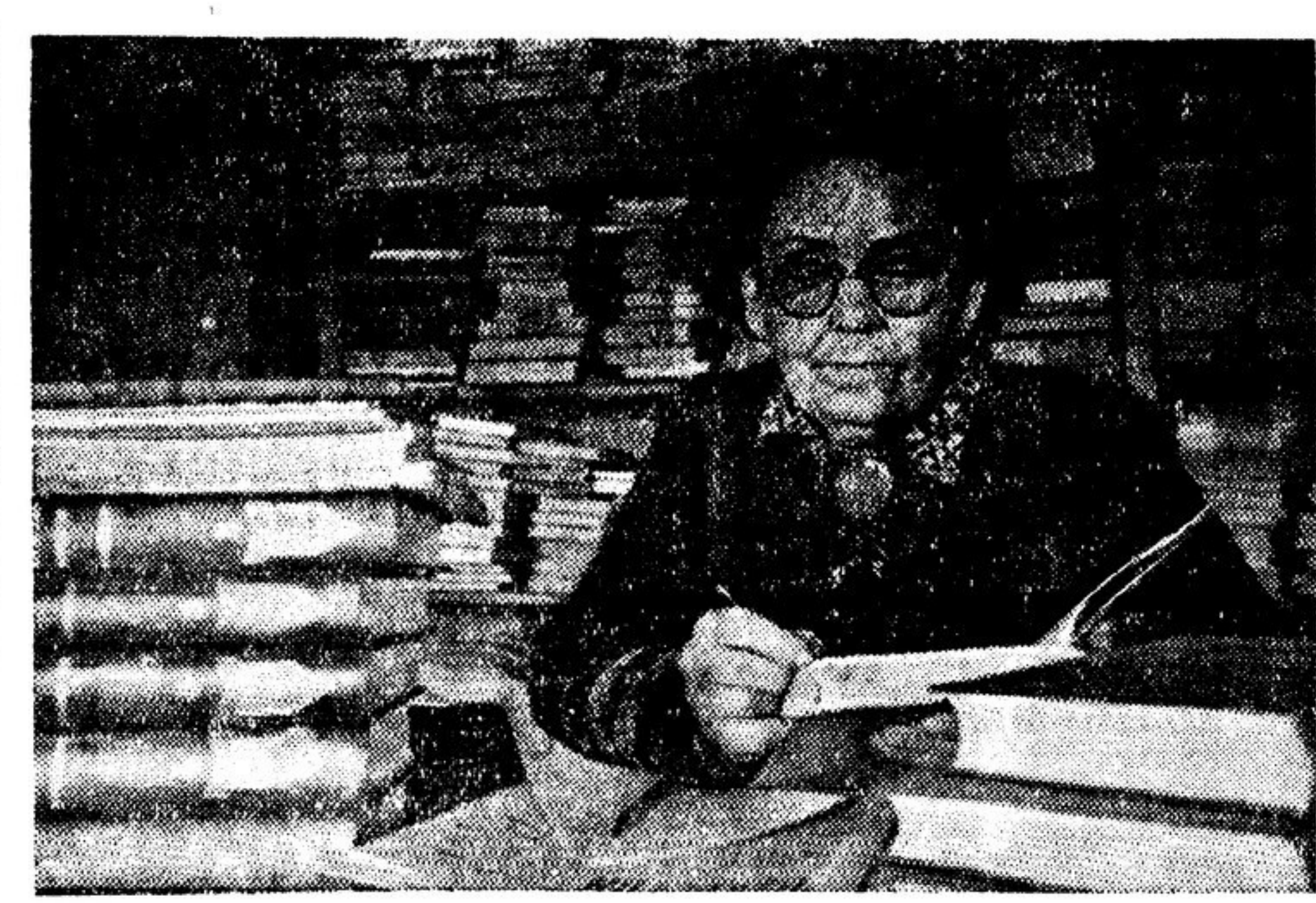
КУЗНЕЦЫ

Возле речки-быстротечки Кузнецы куют колесики, Парни точат для колхоза Топоры и лемеха.

И не беда, что ветер молодой

В твоё поле дырявет мутной пылью, На поле встанет колос золотой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Свыше 50 лет трудится на библиотечном фронте Е. К. Преображенская. В день 800-летия Москвы она награждена орденом Ленина.

Слава героической Москве

В торжественные дни празднования 800-летия Москвы — столицы могучего Союза Советских Социалистических Республик...

Сердечное пожелание счастья к юбилею славной столицы.

КОЕНГАТЕН. (По телеграфу).

В. ЖДАНОВ Партизаны Кубани

Новая книга Петра Карповича Игнатов, бывшего командира партизанского отряда на Кубани...

«Записки партизана» читаются с неослабевающим интересом. Они увлекают читателя, особенно молодого...

П. Игнатов. «Записки партизана». Вторая и третья книги. «Бюллетень Краснодара».

Е. КНИПОВИЧ ГОЛОС ГНЕВА

Лирическая поэма Анатолия Гидаша «Горюет Дунай»...

Там, где родился, — отчизна твой дорога, Где говорил ты, — там родина.

Б. КРИНИЦКИЙ День рождения

Никогда еще не видели мы Москву такой нарядной, как в день ее восьмистолетия.

Конечно, поэтом таких стран, как Венгрия, Италия, Румыния, труднее было познать свой страстный отчизну, чем поэтам стран Европы...

Анатолий Гидаша. «Горюет Дунай». Поэма. Перевод с венгерского Е. Заболоцкого. «Новый мир», № 3, 1947.

В. ШКЛОВСКИЙ РАССКАЗЫ О НАУЧНОМ ПОДВИГЕ

Во время войны я читал с громадным воодушевлением военную газету, в которой неумолимо удивлялся, что русские шоферы не могут чинить машины в полях...

Америка и Англия заселены автомобилями, как лес муравьями, но машина там не предназначена для того, чтобы ее изучали.

Мы в стране Советов любим технику, любим машину, разговоры о машинах, мы любим их разбирать, переделывать...

В старую Москву любил мечтать о Париже, Лондоне, о солнечных городах Италии. Для русского купца и помещика Европа...

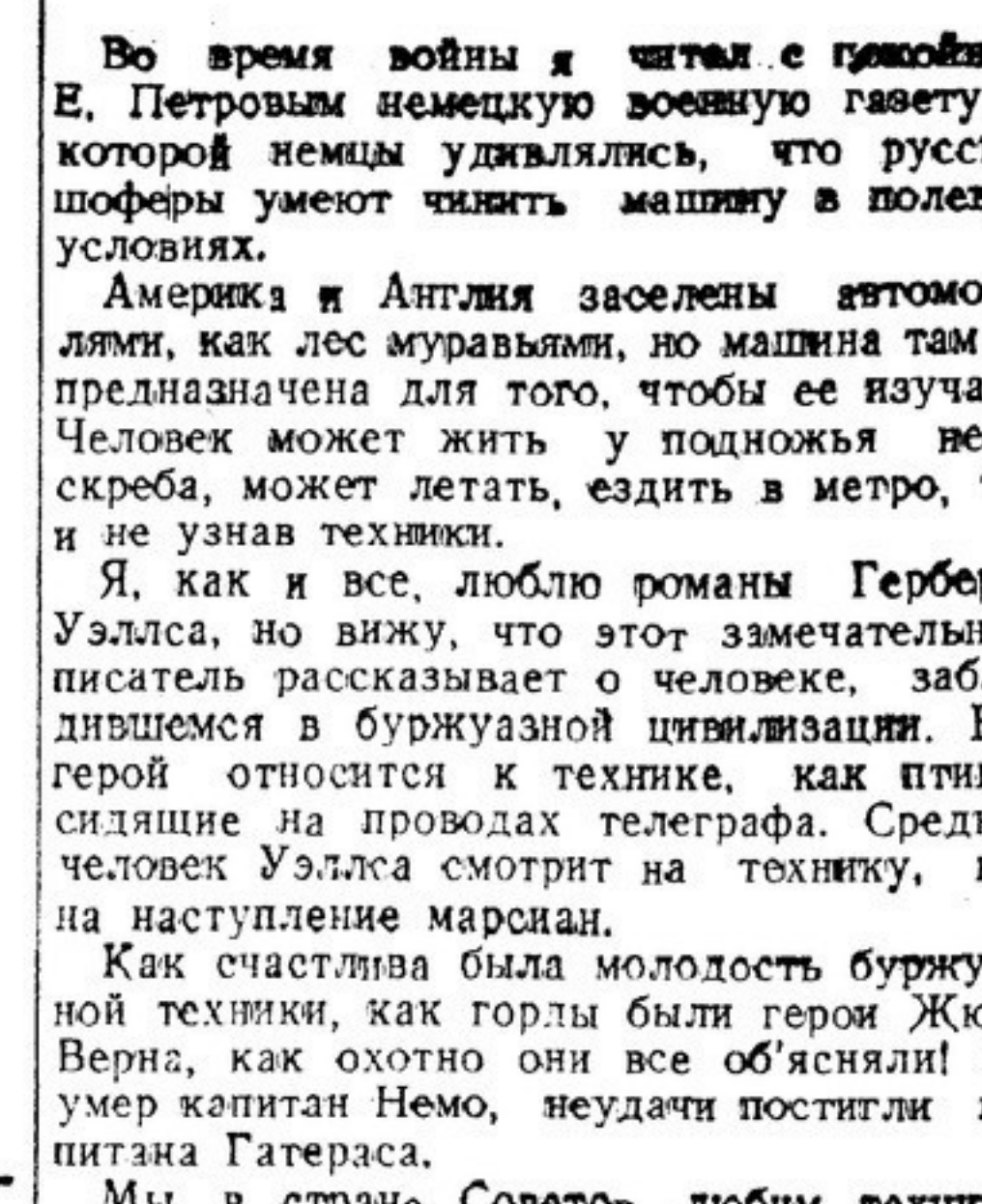
Москва знает все лучшее из мирового опыта градостроения, но общий облик ее остается непотоптанным своеобразным. Быть может, поэт Цветовой бульвар называет бульваром Вены или Парижа...

Шесть букв, слитные в слове «Москва», имеют одну и ту же магическую силу для всех советских людей.

Мы любим Москву за ее седовласую старину, за ее обильные каменные истории, за ее памятники древнего русского зодчества.

Так выглядела Москва праздничными ночами. А днем сверкали ночные огни мостов, сверкали новые каменные одежды столицы.

Мы называли Москву столицей надежды всего цивилизованного человечества, но никто из нас не выразил так ясно огромного значения Москвы для мира, как выразил Сталин.

В. Шкловский

думки или получившей избранной редакционной дилем.

Как видите, В. Охотников выбирает не ожидаемые варианты для своих вещей.

Этот совсем молодой автор, автор в литературе полтора года. Но его книга нового качества, потому что здесь техника рассказана человеком, который ее создает.

Если у колеблется романа уже столько лет, если Сервантес обогатил Дон Кихота всеми знаниями своего времени...

Русский роман родился рядом с наукой; о науке говорили и Герцен, и Гоголь, и Горький.

Советский научный роман не может пойти по западному пути, потому что у него другой читатель, другое отношение к миру.

Есть у Охотникова и оптимизм. Оптимизм япанист рассказ «Электрические спартакиады». Самая завязка рассказа интересна: люди изобретают одну машину, а складируют изобретенную машину, поощряя переиспользование в процессе создания.

Читатель интересуется другим: он интересуется не недоуменным, а судьбой изобретения.

Но книга интересна тем, что она ставит реальные технические вопросы, хотя и не решает их во всей сложности.

У нас создается новый тип писателя, у нас появляются писатели-профессионалы с новой биографией.

Потому так приятно читать книгу молодого писателя, уже давно совершеннейшего изобретателя Вадима Охотникова.

П. ОРЛОВ Порочный метод

Госиздат выпустил книгу, в которой делается попытка дать нашему читателю возможно полное представление о русском былинном эпосе.

С этой целью составитель сборника проф. Н. Волозов постарался привести отдельные былинки к внутреннему тематическому и сюжетному единству...

Сам по себе стремление дать возможно полное представление о многообразии былин, входящих в киевский и новгородский эпосы, ценно и необходимо.

Однако составитель сборника не удовлетворился этой полезной и нужной работой. Он решил исправить «ошибку истории» и сделать то, чего не сделала народное творчество...

«При внимательном рассмотрении русских старин, — пишет проф. Волозов, — предельно обобщенная форма былин, поэмы, легенды, сказки, все их сюжеты близко прилегают друг к другу и при использовании всех вариантов могут образовать целостные эпические поэмы.

Но русский былинный эпос не дает нам полного и законченного сюжетного единства, образование на его основе целостных эпических поэм совершенно не оправдано и дает простор субъективному составлению.

Так, например, что может быть искусственное способа, с помощью которого проф. Волозов связывает воедино былинки о Садко с былинами о Василии Буслаеве?

«Русский народный эпос. Сводный текст. Составил доктор биологических наук проф. Н. Волозов. Госиздат, 1947, 447 стр.

Неужели такой надуманный прием может хоть сколько-нибудь связать эти два цикла песен, и не проще ли было бы поместить их рядом, не откидывая один в другой?

Многие из былин, вошедшие в книгу, в той или иной степени связаны друг с другом. Но выделенная и подчеркнутая в предисловии мысль о возможности полного их объединения является явным и неумелым превращением.

Многочисленные спорные положения в предисловии к книге проф. Шамбинаго. Отмечая ироническое отношение былин к татарам, часто связанное с едкой насмешкой над противником проф. Шамбинаго видит здесь влияние более поздней эпохи.

Странное впечатление производит историко-социальная терминология проф. Шамбинаго. Так, он говорит о борьбе в XVI веке «феодалов с дворянством», хотя ставит тем самым дворянство феодализмом.

Гораздо «широким признанием» народного эпоса в начале XIX века, проф. Шамбинаго ссылается на поэму Карамзина «Илья Муромец», в которой от былин сохранилось лишь имя героя, а о спичке поэмы сам проф. Шамбинаго говорит, что Карамзин только «принимал» его за «стихотворный народный». Еще более неудачен его пример с «Русланом и Людмилой» Пушкина.

Автор последованию берет из журналов 20-х годов XIX века странную мысль о том, что поэма Пушкина «пародирует» Кирилу Данилова, и ничем не оправдывает неадекватность этого высказывания. Это дает ложное представление о поэме Пушкина, никогда не ставившего себе целью пародировать былинный эпос.

Вопрос о «широком признании» народного эпоса в начале XIX века, проф. Шамбинаго ссылается на поэму Карамзина «Илья Муромец», в которой от былин сохранилось лишь имя героя, а о спичке поэмы сам проф. Шамбинаго говорит, что Карамзин только «принимал» его за «стихотворный народный».

Еще более неудачен его пример с «Русланом и Людмилой» Пушкина. Автор последованию берет из журналов 20-х годов XIX века странную мысль о том, что поэма Пушкина «пародирует» Кирилу Данилова, и ничем не оправдывает неадекватность этого высказывания.

Это дает ложное представление о поэме Пушкина, никогда не ставившего себе целью пародировать былинный эпос.

«Русский народный эпос. Сводный текст. Составил доктор биологических наук проф. Н. Волозов. Госиздат, 1947, 447 стр.

делу за всем этим главное, что отличает советское столетие от всех столетий мира.

Мы проходим мимо велиководных лесовских домов, уже давно не задушевными над тем, что за ними или белыми шторами жмут семьи рабочих, средних служащих, ютившихся до революции в страшной лагунах окраин.

Давно говорилась народ шестидесяти республик к юбилею своей столицы, и никогда еще столица не получала так много подарков, как к этому дню своего рождения.

Шесть букв, слитные в слове «Москва», имеют одну и ту же магическую силу для всех советских людей.

Мы любим Москву за ее седовласую старину, за ее обильные каменные истории, за ее памятники древнего русского зодчества.

Так выглядела Москва праздничными ночами. А днем сверкали ночные огни мостов, сверкали новые каменные одежды столицы.

Мы называли Москву столицей надежды всего цивилизованного человечества, но никто из нас не выразил так ясно огромного значения Москвы для мира, как выразил Сталин.

Мы любовались величием новых проспектов Москвы, богатством и разнообразием ее современной архитектуры, благоустройством ее улиц и домов.

Наше счастье озарено ровным светом кремлевских звезд.

В степях Монголии

Роман А. Руттера «Араты» — интересное произведение, обогащающее советского читателя знанием малоизвестной, но живо интересующей его жизни дружественной страны. Действие романа разворачивается на территории Монгольской Народной Республики, прочно связанной своей судьбой с Советским Союзом, которому она обязана и ликвидацией феодализма и своей независимостью. Советские люди дружелюбно заинтересованы в братской дружбе и расцвете этой небольшой в географическом отношении, но в культурном отношении монгольского народа на пути к светлому будущему. Рядовой советский читатель знает не очень много о Монголии, стране пастухов-аратов, кочующих по неоглядным степным просторам. И поэтому естественно его желание расширить свои знания. Книжка и увлекательная книга А. Руттера удовлетворяет это законное желание.

Заслуга Александра Руттера, советского дипломата, долгие годы работавшего в Монголии, обстоятельно и глубоко изучившего монгольскую действительность, заключается в том, что он в живых и запоминающихся образах сумел показать борьбу аратских масс против сил старого мира, рост революционного сознания аратов, их постепенное, но неуклонное движение по пути к новым формам хозяйства, к новой культуре.

А. Руттер рисует Монголию тридцатых годов, когда после победы аратской революции ростки нового едра начали пробиваться в степях Монголии сквозь толщу суевей, наследием «добрым друзьям» — ламы. Стержнем романа является борьба населения небольшого хотоуна (села, стойбища), руководимого молодым Гомбажапом, революционером и новатором, против лам, захвативших в старом монастыре. Там живет незадачливый премьер свергнутого революцией хутухты, испорченного владыки Монголии, хубилган, которому так и не удалось стать наместником Будды на земле. Но он мечтает о возврате старых порядков, жаждет власти: ради этого хубилган идет на прямую диверсию — заражает аратский скот инфекционными болезнями; для того, чтобы в монастырях не переводились «шаши» (послушники), он заносит в аратские юрты дифтерит, — пусть верующие убоятся и опладат ему своих детей. Хубилган в конце концов поручает атеистическому «благотворителю» из страны Ямато (Япония), полковнику в ламском облачении, организовать ламского мятежа.

Восстание терпит крах не только потому, что «большой дарга», толгашин начальник аймака (области) Чойбалсан, нынешний вождь монгольского народа, оказался искусным полководцем, чутким, умным человеком; не только потому, что он располагает танками, артиллерией и даже самолетами, но и потому, что в хотоуне есть такие люди, как мудрый Ама, старик Пунцук, вдова Денсина, дававшая разувращающие в правде «желтопопичьи» проповеди ламам (лам), такие люди, как хотоунский начальник Гомбажап, его молодая жена Дулма, учи-

тель Солдом, ревомольник Джамбо и другие, сумевшие разоблачить преступления «добрых друзей». Даже в среде самих лам находятся люди, готовые порвать с темной верой, оказать помощь новому в борьбе со старым (Бату-Тумур, Серендоржи). Эти ламы увидели, что правда на стороне народа, на стороне Чойбалсана, они имели тысячи случаев убедиться в том, что властолюбивые и корыстные «непротивители» сеют среди аратов обман и ложь, тянут их назад, к давно пройденным этапам жизни.

Несомненное достоинство романа заключается в том, что он сумел в немногих образах показать благородную, прогрессивную роль советских людей, бескорыстно помогающих монгольскому народу в его борьбе с темными силами реакции. Послания дружественного советского народа — советник Чойбалсан, Чегин, врач Орлова и Сара Абрамова, микробиолог Есененко, медсестра Елена Дмитриевна — все они до конца преданы не только своей профессии, но и делу хозяйственного и культурного преобразования небольшого скотоводческого хотоуна. Они любят ее трудолюбивый народ и выполняют свой долг с достоинством, настойчивостью и самоотверженностью, не страшась преград, возникающих на их пути.

Коротко, но выразительно обрисована в романе роль империалистической Японии, направлявшей реакционные силы страны и питавшей надежды старого хубилгана на восстановление «божественного престола», ликвидированного аратской народной властью.

Революционная власть открывает в хотоунах школы, она запретила отдавать детей в монастыри, убила кочевников в пользе постройки хашаанов — каменных заборов, ограждающих скот от зимних выюгов, ограждающих скот от зимних выюгов, она ввела сеносекошение, которое ламы всегда объявляли большим грехом. Так возникло новое хозяйство, где машина-сеносекошение становится уже необходимостью, хотя несколько лет назад можно было лишь пастись скот или, в крайнем случае, заготавливать сено, вырывая траву руками...

Динамично разворачивающийся сюжет, переплетенный с острейшими проблемами, знание быта, умение автора показать своеобразия монгольской природы — все это делает роман «Араты» увлекательным произведением. Автор могно упренуть, пожалуй, лишь в том, что он злоупотребляет подчас снобизмом, объясняющими непонятные монгольские слова, да в немногочисленных погрешностях языкового и смыслового порядка. Впрочем, все это легко устранимо при повторном чтении.

При перечитании книги А. Руттера, на мой взгляд, надо еще раз, полнее отделить преступную роль агентов японского империализма в борьбе монгольской реакции с народной властью, — материал для этого у автора более чем достаточно.

Несколько лет известно, роман «Араты» положительно оценен монгольской общественностью, увидевшей в этом первом художественном полотне, посвященном родной стране и написанном рукою советского писателя, еще одно доказательство советско-монгольской дружбы.

Н. ПОГОДИН ДИКИЙ ЗАПАД

Когда американцы в своей американской столице Австрию конфисковали, т. е., по сути говоря, «забрали себе» две тысячи квартир (сообщение венской газеты «Эстеррайхе Цейтунг»), то это обидное и решительные мероприятия представляется всего лишь незначительной забавой по сравнению с другими американскими «мероприятиями» в той же Вене.

Старый термин знаменитого американца Марка Твена «Дикий Запад» в наши дни наделяется новым смыслом. Не о ковбоях «диких прерий» идет речь. Старинная американская жюжетка как бы трансформировалась в удивительный американский жюжет в Вене и охватывает понятие превратилось в уголовное.

Как сообщает та же газета «Эстеррайхе Цейтунг», «правы «дикого Запада» в Вене процветают и с каждым днем «положение ухудшается».

В самом деле, американский солдат нападает на австрийского полицейского, требуя от него оплатить оружие. Избиение. Трое американских солдат напали на певицу Ерабека, когда она вечером шел домой с певицей Гофман. Газета подробно пишет: солдаты свалили Ерабека на землю, отняли портфель. Разбой.

На Керпентрассе (центр), ставшей «одной из беспорядочных мест Вены», американские солдаты исколотили писателя Карла Гюбеля. Опять избиение.

Ф. ТИХИЙ ДРУЖБА, СКРЕПЛЕННАЯ КРОВЬЮ

В 1147 году, в год основания Москвы, чешский князь Владислав принял участие во втором крестовом походе. Возвращаясь домой, он в Шарграде переночевал в Черном доме, и поднялся по лестнице до князя, чтобы известить князя Янзлава. Русский летописец, описавший эту встречу, указывает, что Янзлав называл Владислава «святым»; отсюда можно заключить, что связь между чехами и русскими уже тогда была традицией.

Эта связь отразилась также и в литературе. Автор прославленного «Слова о полку Игореве» совершенно определенно говорит о том, что наряду с другими народами и «Моравы», т. е. наши предки, незалежные тогдашнюю Владимировскую империю, «славу Святославу воспевают».

Нашествие монголов в первой половине XIII века ослабило связь между чехами и Русью, однако интерес к славянскому Востоку никогда не уменьшился, а начиная с XIV века непрерывно возрастал.

В конце XVIII века чешский музыкант Ян Прач впервые издал сборник записанных им русских народных песен. В чешской литературе пробуждается интерес ко всему русскому. Патриарх славистики Иозеф Добровский приезжает в 1792 году в Россию; основатель первой новочешской поэтической школы Антонин Ярослав Пухмайер издает в 1805 году популярный практический руководств для изучения русского языка под названием «Чешско-русские правописания», а в 1820 году — обстоятельный разговорник русского языка, рассчитанный на чешскую интеллигенцию. Известная «Ода на великие божие» Пухмайера подсажена прославленными державскими одами.

Писатель Иозеф Юнгман также был поклонником всего русского, как об этом свидетельствуют его «Записки». В 1810 году он перевел «Слова о полку Игореве». Иозеф Юнгман был прекрасным знатком русского языка. Он явился творцом современного литературного чешского языка, который обогатил, черпая и из русского источника.

Из младших современников Юнгмана был известен в России Вацлав Гюнга. Он был лично знаком и вел переписку со многими известными русскими деятелями культуры. Еще более богата интересами с научной точки зрения переписка П. Шафарика. Прекрасным знатком народной славянской поэзии, в особенности русских былин, был Челаковский. Изучение русских былин

внушили ему мысль о создании сборника «Русских песен» (вышел в 1829 г.). Это не перевод, это оригинальное творчество, основанное на былинной тематике и форме... Другое классическое произведение поэзии той эпохи — «Дочь Славян» словацкого поэта Яна Коллара, наиболее революционное произведение всей чешской литературы XIX века, стало широко известно и остальным славянским народам.

Из животворной русской почвы выросло величайшее поэтическое произведение Карла Гавличека — классическое «Крещение св. Владимира».

Крупный деятель чешской культуры Гавличек в 1843—1844 годах жил в Москве. В статье «Русские» он выражает глубокое восхищение русским народом: «Русские, наши братья, являются народом с великим будущим, от которого мы, все остальные более слабые племена славянские, в будущем можем ожидать много благолепия». Гавличек высказывает убеждение, что когда «Россия усовершенствуется» и материально и распространит свое влияние повсюду, тогда «на долгое время ей будет обеспечено первое место среди народов этого мира».

В 1867 году, проиграв войну против Пруссии, вероломный Габсбург начал проводить двойственную политику, отдавая большую часть славянского населения тогдашней Австрии на милость немцев и венгров. В ответ на это виднейшие деятели чешской и словацкой общественности съездились в Москву. Внешним поводом для паломничества в Москву было посещение этнографической выставки, в действительности же это была прекрасно организованная демонстрация. Палацкий, руководитель делегации, произнес в Москве слова, которые и сегодня, когда они сбываются, нельзя читать без волнения: «Мы пока растем и дозреваем в тишине для того, чтобы в час, когда чужие руки протянутся к нашему горлу, славяне встали подобно великану, нежеланного величия и силы которого испугаются враги!»

1857 год подарил нам также прекрасную поэму Яна Неруды «На восточный берег». В Москве с чешскими гостями лично встречались русские поэты. Тут же впервые написан по этому поводу стихотворение «Чехам в день Гусова юбилея». А. Майков — «Любуша и Премисла» и легенду о гуситах «Приговор». Н. Берг переводит стихи Махи, Небеского, Гавличека и прозу Палацкого.

Последний и самый выдающийся ученик Яна Коллара, Святополк Чех, в своей «Славия и Степ» говорил о грядущем русском периоде и великом будущем, ождающем славянство.

В Москве бывал Юлиус Зефлер. Его первая чешская литература — «Обязана романом, написанном на материале русской истории — «Ондрей Черныш».

Своеобразный моравский писатель Франтишек Таборский был одним из наших лучших знатоков русской культуры. Переводчик Лермонтова, Пушкина и Грибоедова, он учился поэтической форме у великих русских классиков. В своей монографии «Пушкин — певец волюнтаризма», написанной Таборским к юбилею 1937 году, чешский автор рассматривает величайшее русское поэтическое «слова свободы». Сатирические стихи Пушкина, направленные против царизма, служили, как это убедительно доказывает Таборский, образцом для такого крупного чешского поэта, как Карл Гавличек.

Мы никогда не забудем, что поэт Таборский — один из первых среди чехов приверженцев Советского Союза при самом его рождении. Он сделал это в своем стихотворении «СССР».

Томаш Г. Массарик, величайшая фигура чешской истории нашего века, был крупным знатком России. Главное литературное произведение Массарика — «Россия и Европа» — вышло непосредственно перед первой мировой войной. Максим Горький, ознакомившись с этой рукописью, на острове Капри, где в то время жил и Массарик, задал ему перевод за границей, но война помешала этому.

В своем труде «Новая Европа», написанном в революционные дни 1917 года в Петрограде, Массарик приходит к убеждению, что «Россия будет пользоваться большим политическим влиянием, если она превратится в республику», и утверждает, что «вместе с русским царизмом падают и венская и берлинская монархии».

В 1935 году, когда между Чехословацкой республикой и Советским Союзом был заключен договор о взаимной помощи, ученик Массарика Эдуард Бенеш в то время министр иностранных дел «совершенно памятную поездку в Москву. Путь через десять лет, когда Великая Отечественная война близилась к концу, Бенеш — уже президент Чехословацкой республики — снова посетил Москву для того, чтобы подписать с советским правительством договор о дружбе, который ознаменовал собой начало

Вчера делегация чехословацких писателей и журналистов посетила мавзолей Ленина и музей Ленина, побывали на выставке трофейного вооружения, были на факультетном празднике и народных гуляньях в честь 800-летия Москвы.

Так спорить нельзя

Флотский офицер капитан 3-го ранга М. пошел в театр. Показывали пьесу Б. Лавренева «За тех, кто в море!» И в пьесе этой товарищу М. не все понравилось. На его взгляд, герои в некоторых случаях грешили против морской грамотности. Облик их действующих лиц показался ему очерченым недостаточным верно. Не все боевые действия были, по его мнению, убедительны, мотивированы. Автор не спорит с автором и написал письмо в редакцию одной из центральных газет.

Замечания тов. М. касаются второстепенных, а не главных моментов пьесы. Они узко профессиональные, лишены прикладной и не всегда справедливы. Тов. М. забывает о том, что пьеса Б. Лавренева адресована не только флотскому зрителю, но и миллионам людей, которым было бы трудно разобраться в происходящем на сцене, если бы разговоры действующих лиц были чрезмерно перегружены специальной терминологией. В письме тов. М. быть может, сквозит даже и недоверие к тому, что писатель, не являющийся кадровым офицером флота, вообще мог написать добротную пьесу о военных морях.

Потому письмо товарища М. в газете напечатано не было. Его переслала Б. Лавреневу и попросила писателя ответить читателю.

Замечания капитана 3-го ранга могли показаться автору пьесы обидными. Больше того, мелочность упреков могла даже привести автора к раздражению. Но в таком случае обычно советую, прежде чем вступать в спор, составить до десяти; успокоиться, а затем изложить оппоненту доказательства своей правоты.

Б. Лавренев не внял старинному совету. Он попросту принялся кричать на несогласного с ним читателя. Правда, не переставая кричать, он на восьми страницах, и даже с приложением схемы, подробно разбирает и опровергает замечания тов. М., но весь тон его ответа повергает в изумление.

Писатель разразился потоком ругани в том классическом трагическом стиле, который в равной мере унижает человеческое достоинство обеих спорящих.

«Я докажу вам, — набрасывается Б. Лавренев в своего оппонента в первых строках ответа, — что читали вы ее (пьесу) при посредстве невежdomого органа чувств, а слушали брюхом».

«Грош цена вашему «внимательному» чтению, — кричит он несколькими строка-

Научная сессия в Пушкинском доме

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) 8 сентября в Институте литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) состоялась научная сессия, посвященная 800-летию Москвы. Были заслушаны доклады: «Роль Москвы в становлении русской национальной литературы» — старшего научного сотрудника Д. Лихачева, «Пушкин и Москва» — проф. Б. Томашевского, «Горький и Москва» — проф. В. Десницкого, «Москва в жизни и творчестве Лермонтова» — проф. В. Мануйлова.

Отделение журналистики в Московском университете

На филологическом факультете Московского государственного университета открылись в этом году отделение журналистики. На первый курс принято 22 чело-

Творческий вечер Луи Арагона и Эльзы Триоле

Многочисленная аудитория собралась на творческий вечер французских писателей Луи Арагона и Эльзы Триоле, организованный 9 сентября Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний в Большом лекционном зале Политехнического музея.

Вечер открыл Вс. Вишневский, приветствовавший французских гостей — верных друзей Советского Союза и доблестных бойцов периода Сопротивления.

Дождь о творческом пути Луи Арагона и Эльзы Триоле сделал А. Исбах. С большой речью о своих французских друзьях выступил И. Эренбург. В заключение он обратился к Луи Арагону и Эльзе Триоле со следующими словами: «Завтра вы уезжаете в Париж. Вас спросят о том, как относится советский народ к Франции. Вы должны рассказать о той минуте, когда вы вошли в этот зал и когда к вам пришла горячая любовь советских людей к французскому народу, к французской культуре и к вам».

О том, как в годы войны и оккупации Луи Арагон и Эльза Триоле заслуженно заняли выдающееся место во французской литературе, говорил в своем выступлении В. Финк.

К 800-летию Низами

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило очередной том большой серии «Библиотека поэта», посвященный творчеству великого азербайджанского поэта Низами.

Произведения Низами, вошедшие в однотомник, переведены Г. Пшопиным, Н. Лебедевым, М. Шагиняи, К. Симоновым, П. Антокольским, В. Державиным, К. Липскеровым, Е. Полонской, Е. Долматовским, С. Шервинским, Б. Лебедевым, А. Кейгауз, В. Давленковой, В. Успенским, С. Спасским, И. Бруни, А. Кочетковым.

Вступительная статья — «Низами и его время» — написана членом — корреспондентом Академии наук СССР Е. Бертельсом.

Книга иллюстрирована воспроизведениями миниатюр из уникальной рукописи Низами, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Фронтиспис — картина «Низами» работы заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР Т. Халакова.

В ближайшие дни одноименный Низами поступит в продажу. Часть тиража выслается в Баку на торжества в честь Низами.

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.) Институт языка и литературы Академии наук Узбекской ССР и Союз советских писателей республики провели научную сессию, посвященную 800-летию со дня рождения родоначальника азербайджанской литературы Низами Гянджеви.

Действительный член Академии наук УзССР писатель М. Айбек в своей вступительной речи говорил о влиянии творчества Низами на развитие узбекской классической поэзии.

Профессор В. Захаров прочитал доклад «Великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви». Доклад «Низами и Низам» сделал профессор Е. Бертельс.

Поэты Максуд Шейхзаде, Миртемир, Газифулла и Ахунди прочли отрывки из произведений Низами и высказывания Алишера Навои о великом азербайджанском поэте.

Вечер памяти великого поэта

15 сентября в зале им. Чайковского состоится торжественное заседание Академии наук СССР и Союза советских писателей СССР, посвященное 800-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами. Вступительное слово скажет заместитель генерального секретаря ЦСР СССР Н. Тихонов. С докладом о творчестве Низами выступит член-корреспондент Академии наук СССР Е. Бертельс. Поэтические переводы читают П. Антокольский, В. Державин, А. Кочетков, С. Шервинский. В концертном отделении примут участие мастера художественного слова С. Балашов, О. Фрелих, С. Акиас, артисты азербайджанских театров Р. Бейбутов, Гусейн-Ага Галджибабеков, Кязим Зия, Сара Кадимова, Сола Асланова, Кязим Мамедов.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, П. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „Литературную газету“

С 20 сентября 1947 года «Литературная газета» будет выходить 2 раза в неделю. Подписка плата с 1 октября до конца года — 13 руб. Подписка принимается Союзпечатью и в почтовых отделениях. Все ранее подписавшиеся на «Литературную газету» будут получать ее в течение срока своей подписки без доплаты.